

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ВСТРЕЧА С ПИСАТЕЛЕМ

Огромные переделкинские сугробы кажутся сегодня волшебными горами из царства Снежной королевы. По узкой тропинке, проложенной редкими прохожими среди этой ослепительной белизны, какое утро, каким бы оно ни случилось — морозным, метельным или дождливым, Валентин Петрович Катаев совершает дальние прогулки, любясь неброским подмосковным ландшафтом, с которым сроднился за долгие годы жизни и работы в писательском поселке.

Он видит «морозную новогоднюю ночь и маленькую, невероятно яркую луну, заливающую покрытые снегом леса, и холмы, и лиловое поле своим магическим светом».

— Валентин Петрович, у вас сегодня день рождения...

— Ай, есть о чем говорить?! Это же не круглая дата! Вот в будущем году!.. Впрочем, Эстер Давыдовна приготовила прекрасный пирог, будем пить чай. Прошу вас!

Как всегда, с рыцарской предупредительностью пропускает дам вперед, галантно помогает стряхнуть маленьким веничком влажные хлопья с заснеженной одежды.

В старой даче (кстати, почему бы Литфонду не позаботиться о ее ремонте?) тепло и уютно. В просторной столовой светится блестящей мишурой оставшаяся от Нового года небольшая елка. Ощущение праздника и домашнего покоя. Однако было бы неверно думать, что переделкинский дом Катаева — тихая обитель, отгороженная от мира «рождественскими» сугробами. Это скорее чуткая каюта корабля, плывущего по волнам Времени.

...В наше дружеское чаепитие врываются ритмы планеты: на экране телевизора — «Сегодня в мире» — любимая передача Катаева, которую он не может пропустить. Комментатор делает обзор откликов на Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева.

— Вы участник трех войн...

— Трудно поверить! — Катаев приглушает звук. — С виду добрый, симпатичный... Но я лично считаю, что верить ему нельзя.

Помните, об американцах писали и Лев Толстой, и Пушкин в одной из публицистических статей.

Мне кажется, они потеряли голову от богатства.

Новая война (а мы делаем все возможное, чтобы ее не было) — даже не война в прежнем понимании, а полное истребление всего живого. Нормальный человек этого не делает.

И снова — взгляд на экран.

— То, что сейчас происходит в мире, похоже на смертельную дуэль. Мы делаем все,

на, вновь повернулся перед нами, и из парижского предместья мы вновь как бы перенеслись в заснеженное Переделкино, где в окна старой дачи заглядывают озябшие ветви огромных сосен, столь дорогих сердцу писателя.

«Отчаянное, несравненное чувство тоски по родине свойственно моей душе».

На одной из полок — ряд толстых, похожих на школьные, пронумерованных тетрадей. Прежде я их почему-то не заметила.

— Что это?

— Дневники. Но совсем неинтересные! С этих коротких — в полстранички — записей я начинаю свое утро. Пишу механически: про погоду, как спал, что намерен сделать днем. Делаю это, чтобы ввести себя в жизнь. Затем — ежедневная гимнастика, душ, легкий завтрак. И — работа. А дневники совсем неинтересные. Впрочем, однажды в Париже на могиле Мопассана я сорвал дикую розу. Засыпал ее и вот теперь вклеил в дневник... Мне кажется, что от нее все еще исходит пряный, тревожащий аромат.

Дикая роза с могилы Мопассана в заснеженном Переделкине.

— Затем сажусь за письменный стол и остаюсь наедине со своей памятью и воображением.

«Когда он пишет, у него такое лицо! И глаза — далекое, далекое!» — вспомнились слова его жены.

Беру в руки недавно выпущенный очередной том его собрания сочинений. В него вошли пьесы.

— Драматург я неважный! — смеется Катаев. — Писал главным образом водевили. Но или они достаточно широко, да и сейчас идут. Недавно по телевизору вторично показывали водевиль «Понедельник — день тяжелый». Видно, живы еще в писательской среде Евтихий Корнеплодовы и их пробивные супруги. Такие, какую изображает Мария Миронова!

Я сейчас, к сожалению, редко бываю в театре, не все спектакли имею возможность видеть, многое смотрю по телевизору. Меня поражает одно явление. Просто бедствие! Это — полное неуважение к автору: часто режиссеры рассматривают пьесу как сырой материал, который можно вертеть и так, и эдак, как кому заблагорассудится. Пишут на афише: «по пьесе» или «по мотивам». И поступают как хотят, не падая даже классиков.

Сделали, например, из двух пьес Гольдони одну и под музыкальным сладким сиропом подали к зрительскому столу. А это совершенно несъедобно!

Добавляют новых действующих лиц, перестали считаться с авторскими ремарками, паузами. Даже у Чехова. Начальную сцену «Вишневого сада» один известный режиссер перенес из дома Раневской... на кладбище. Руководствуясь, очевидно, упоминанием об ее утонувшем сыне. Меня это просто покорило. Неужели великий русский писатель достоин уважения? А Тургенев? В «Месяце в деревне» героиня вбегает со змеей! Но один раз! А в спектакле режиссер заставляет ее делать это чуть ли не в каждом явлении. Назойливо и не соответствует духу тургеневской прозы. А сколько раз переделывали «Ревизора»? А «Трех сестер»?

Или вот крутящееся колесо, кочующее из спектакля в спектакль! В «Дон Жуане» — колесо, в новой пьесе Арбузова — опять колесо. Что это — символ или режиссерская беспомощность? У авторов этого не было. Значит, все можно. Мне кажется, должен быть закон, категорически запрещающий производить подобные эксперименты. Пусть постановщики сами пишут пьесы и ставят их, как хотят. Либо уважают авторскую волю.

— Но ведь и раньше театры многое себе позволяли?

— Но только вместе с автором. Без его ведома нельзя было исправить даже запятую! Помню, в старом МХАТе мы до трех часов ночи спорили со Станиславским о каждой реплике моих «Расстреливающих». Я не согласился, написал письмо Луначарскому!

Когда Станиславский решил ставить «Синюю птицу» Метерлинка, то он ездил к автору и подробно с ним все обсуждал.

Во МХАТе все решали Станиславский и Немирович-Данченко. Театр должен сам решать, брать ли или иную пьесу для постановки или нет. Огромное количество инстанций только вредит делу! Говорят, знаменитый Корш сам принимал автора, просил его посидеть и тут же давал ответ: или возвращал пьесу, или давал автору чек! А сейчас проходит столько времени, пока пьеса пробивает себе дорогу! За это время она устаревает! Конечно, надо писать так, чтобы пьесы не устаревали. Шекспир писал свои шедевры, но не материал для режиссерских упражнений!

— Кто ваш любимый драматург?

— Маяковский. Он своими пьесами вступал в яростную борьбу. «Клоп», «Баня» — пьесы-борцы. Вспомните его слова о том, что театр не отражающее зеркало, а увеличительное стекло. Было бы хорошо, если бы эту мысль почаще вспоминали нынешние драматурги.

Сейчас, мне кажется, театр как-то выцвел, утратил свои яркие краски. Монотонные пьесы, нет фарса, памфлеты, водевилей, высокой трагедии! Главным стал жанр — «по пьесе». Даже когда этот жанр не обозначен, он все равно незримо присутствует.

Не стали ли наши драматурги слишком уж покладистыми! Во что бы то ни стало видеть свое детище поставленным! Не это ли житейское желание руководит ими?

Сейчас в моде разнообразные монтажи. На эстраде, в концертах, на телевидении. Как правило, они делаются мало культурными людьми и ничего, кроме возмущения, вызвать не могут! Монтаж по «Герою нашего времени», по «Борису Годунову». Чудовищно!

Пьеса должна быть сценическим произведением. Каждая ее реплика должна нести движение. И бороться за революцию. Сегодняшнюю революцию.

Уже поздний вечер. «Невероятно яркая луна» заглядывает в окно кабинета. Когда я выхожу на улицу, она сопровождает меня до самой станции. Но мне кажется, что это вовсе не холодная луна, а катаевское окошко освещает ослепительную белизну дороги. Слово маленький факел.

Валентина ЖЕГИС.

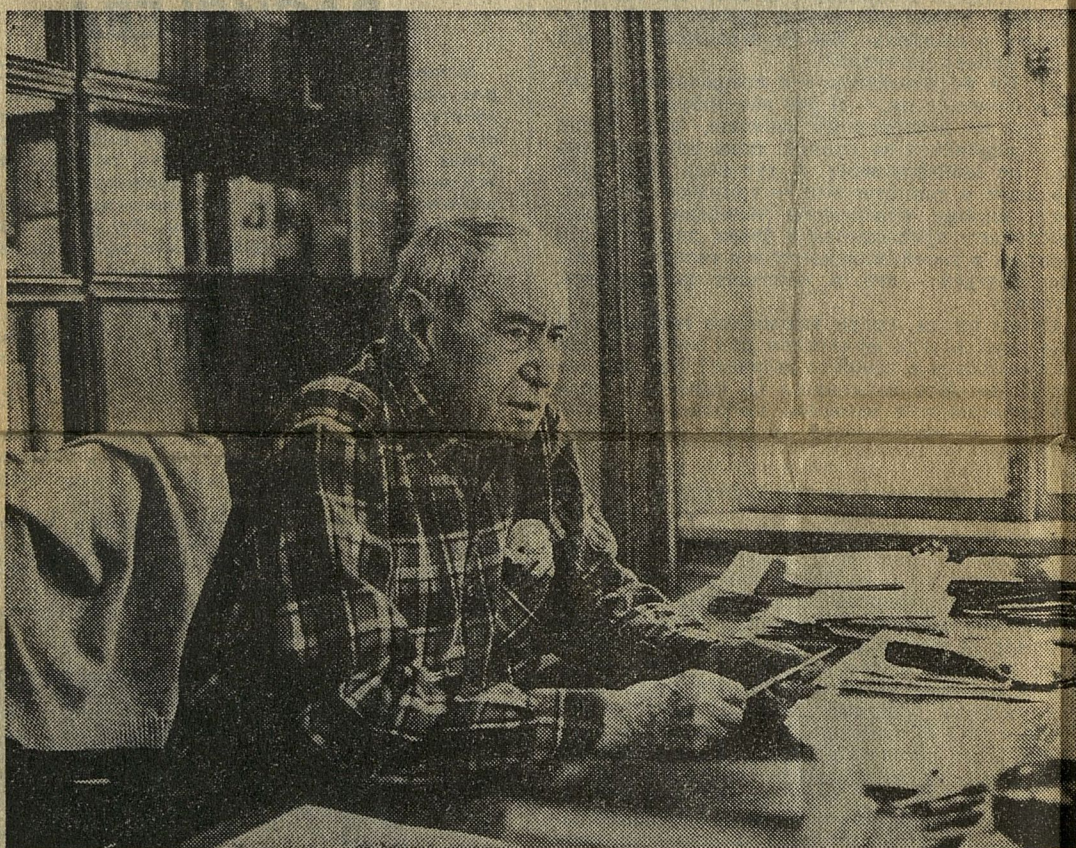
ПЕРЕДЕЛКИНО.

● В. Катаев.

Фото В. Киселева.

Валентин Катаев:

СИЯЕТ САД МОЕЙ ДУШИ

— Да, но это были совершенно другие войны: эшелоны, дороги, дальние разрывы снарядов. А 20 миллионов человеческих жизней, потерянных в Великую Отечественную! Погиб мой брат Евгений Петров...

— Кстати, я недавно перечитала его малоизвестную пьесу «Остров мира». Там один из персонажей говорит: «Я нормальный человек. А сумасшедшие те, кто изобретает все эти бомбы, пробивающие бетон, и газы, не имеющие ни вкуса, ни цвета, ни запаха. Я не могу запрятать всех этих людей в сумасшедший дом. Их много, весь мир давно уже сошел с ума...»

— Да, брат очень переживал смерть Ильфа, хотелось его чем-то отвлечь. И я подсказал ему сюжет: некие англичане, пытались спастись от войны, отправляются на необитаемый остров, но там обнаруживается нефть, и страсть к наживе их губит...

Мир сошел с ума от богатства.

Я несколько раз был в Америке. Мне не понравился стиль жизни американцев. Чистоган. Власть денег ощущается на каждом шагу. Что-то в этом есть паршивое. Я даже не могу толком объяснить. Проблема долларов решается очень просто: здесь бесконечное число банков, деньги можно получить даже прямо на улице, в мраморных кабинках, мимо которых проезжает ваша машина. Но вопрос в том, откуда раздобыть чек.

Кстати, как звали ту пожилую хьюстонскую даму с бриллиантовыми пряжками на туфлях? Какое у нее было плоское лицо, когда она спросила, есть ли у меня чековая книжка!

— Не о ней ли вы писали в «Святом колдесе»?

— И о ней тоже. Впрочем, в моих книгах нет, как вы знаете, определенных прообразов, сюжетов, жанра. Персонажи свободно перемещаются во времени и пространстве, так написана и новая вещь, опубликованная в первом номере «Нового мира». Впрочем, о моих новых книгах давно уже не пишут критики. Вероятно, потому, что они согласны с моим определением сути творческого метода — мовизма — от французского слова «плохой»: писать хуже всех. Очевидно, я уже научился писать достаточно паршиво.

Катаев иронически улыбается. Сегодня он очень оживлен, после продолжительной прогулки по морозу его покрасневшее лицо кажется совсем молодым.

— Мне на 17 лет меньше, чем ему, но он всегда был намного моложе меня, — тихо говорит мне жена, когда Валентин Петрович вновь принимается к экрану телевизора.

А во весь экран — сияющее беззубой улыбкой лицо президента Рейгана.

чтобы победил разум. Нельзя, чтобы на дуэли он погиб «от пули сумасшедшего Дантеса»... Шелк! Погас экран телевизора...

Мы, подобно персонажам его прозы, как бы перемещаемся во времени и пространстве, а в реальности поднимаемся по скрипучей деревянной лестнице в рабочий кабинет. Здесь все тот же порядок, тишина, привычные вещи — тяжелый письменный стол, лампа под матовым абажуром, чистый лист большого, как школьный альбом для рисования, блокнот — застыли в ожидании чуда — прикосновения его руки. Перед работой, как перед стартом...

На ночном столике у изголовья узкой тахты, покрытой клетчатым пледом, раскрытый том Ленина. Заметив мой взгляд, писатель говорит:

— Для меня он жив и современен всегда, хотя я никогда не встречался с ним лично. Но был хорошо знаком с Надеждой Константиновной Крупской, а однажды меня даже отвезли домой после какого-то публичного выступления на машине Владимира Ильича. Когда я писал «Маленькую железную дверь в стене», то не только изучал книги и документы, но старался представить себе Ленина — человека, личность, художника. Но прежде всего вождя великой революции. Его идеи выражались в свежести взглядов, правде, стремлении поставить достижения науки на службу пролетариату для борьбы с врагами революции.

Кстати, один из первых ленинских декретов был о мире. И нынешний год объявлен ЮНЕСКО Международным годом мира. Есть какая-то незримая аналогия.

...Я смотрю на как бы опоясавшие кабинет писателя полки с ленинскими работами, и на память вдруг приходит эпизод из его книги «Маленькая железная дверь в стене». Помните, как описывает писатель свое посещение музея первых летательных аппаратов под Парижем?

«Это были не копии и не макеты, а те самые, подлинные, которые со слабым треском тех моторов медленно летали над лугами моего детства, моей юности... Всем этим я увлекался в ранней юности, и всем этим увлекался и любовался Ленин на аэродромах под Парижем».

Но Ленин не был бы Лениным, если бы, увлекаясь зрелищем первых полетов, он мысленно не ставил авиацию на службу революции...

— А разве сегодня хрупкие деталильные аппараты, преобразенные гением человека в межзвездные корабли, не служат защите завоеваний революции?

Я не задала этого вопроса. Ответом на него было все, что говорил в этот вечер Катаев.

Но круг времени, словно вращающаяся спе-